

Митрополит Иларион: Воскресение Христово – событие космического масштаба, и в нем принимает участие все человечество

4 мая 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал известный кинорежиссер Павел Лунгин.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». У меня в гостях - кинорежиссер Павел Лунгин. Здравствуйте, Павел Семенович!

П.С. Лунгин: Добрый день, Владыка! Мы с вами находимся в преддверии Пасхи. Мне кажется, что Пасха – самый православный праздник. Ведь в католичестве больше внимания уделяется Рождеству. В чем, по-вашему, глубинный смысл этого праздника?

Митрополит Иларион: Я бы не хотел сейчас подробно говорить о практике других конфессий, но могу сказать, что неоднократно бывал на пасхальных богослужениях у католиков в Венгрии, Литве, когда я служил в этих странах. Может быть, дело в том, что католическое богослужение кажется нам чем-то «внешним», а свое собственное богослужение мы воспринимаем изнутри – но, как бы то ни было, я никогда не ощущал на католическом пасхальном богослужении той радости, той наполненности, того внутреннего ликования, которым пронизано православная служба на Пасху.

Интересно, что у нас весь строй богослужения полностью меняется именно на Пасху. Что происходит в Великую субботу? Богослужение начинается еще по великопостному типу: священники – в темных облачениях, читаются ветхозаветные пророчества, и потом вдруг в какой-то момент службы они переодеваются в белое, звучит Евангелие о Воскресении Христа. По сути дела, это богослужение уже является началом празднования Пасхи. Исторически белые одежды связаны с тем, что в этот момент в храм входили новокрещенные, которых крестили именно в Великую субботу. Эта служба совершалась вечером, непосредственно перед пасхальным богослужением. И пока крестили новообращенных христиан (это происходило не в храме, а в отдельном помещении – баптистерии), верные слушали ветхозаветные чтения. А потом, с пением «Елицы во Христа крестистися, во Христа облекостесь» (Те, которые во Христа крестились, во Христа облеклись), новокрещенные входили в храм в белых одеждах. С этого, собственно, и начиналось пасхальное торжество.

До наших дней сохранился обычай переодеваться всему духовенству в белые одежды. Это всегда производит удивительно впечатление – ведь всю Страстную седмицу мы переживаем страдания и смерть Христа. И вдруг – белые облачения. Это поистине радикальная перемена всей тональности богослужения. Мы понимаем, что Христос воскрес, что наступила Пасха.

П.С. Лунгин: В прошлом году на Пасху я был у Вас в храме. Я почувствовал какую-то очень сложную «хореографию» богослужения. У меня возникла ассоциация с неким перестроением войск. И Вы сказали тогда, что это движение небесного воинства. Небесное воинство переходит в наступление, и мы – вместе с ним. Если я не ошибаюсь, во время пасхального богослужения переодеваются еще раз? Сколько раз это происходит?

Митрополит Иларион: На пасхальной ночной службе принято переодеваться из белого в красное, но это уже чисто русский обычай. Причем не очень понятно, когда он появился, – может быть, даже в советское время, потому что в Русской Зарубежной Церкви такого обычая нет.

В некоторых храмах священнослужители по несколько раз за службу меняют облачения – это символизирует особую радость, особое ликование. Мысль о том, что богослужение, совершаемое на земле, является частью небесной литургии, очень характерна для Православия: мы верим, что в любой службе, которая совершается здесь, участвуют также и ангелы, и умершие. То, что происходит здесь на земле, – лишь малая часть того, что происходит в космическом масштабе. На Пасху это ощущается сильнее всего, ведь в этот день мы не просто совершаем богослужение в храме – мы выходим на улицу. Мы обходим храм крестным ходом, свидетельствуя окружающему миру о том, что Христос воскрес. Мы хотим выйти на улицы, чтобы те, кто находится вне храма, услышали эту радостную весть. Пасхальное богослужение начинается вне храма – с возгласения «Христос воскрес!» Эти радостные минуты, которые каждый год переживаются по-своему, гораздо ярче свидетельствуют о Воскресении Христовом, чем любое другое доказательство, которое можно было бы найти.

П.С. Лунгин: Может быть, Вы напомним нам хронику воскресения Христа?

Митрополит Иларион: Если говорить о хронологии, то у Церкви есть свое видение этих событий. Церковь верит, что Христос после Своей смерти душой сошел во ад, чтобы и там было проповедано Евангелие и чтобы вывести оттуда Адама и содержащихся там пленников. Обратимся к канонической иконе Воскресения Христова: на ней изображается Христос, который стоит на обломках врат ада, под Ним – бездна, ключи, замки; Господь вторгается в это пространство и за руку выводит оттуда Адама и Еву, а в след за ними – и все ветхозаветное человечество. Богослужебные тексты Православной Церкви говорят о том, что Христос открыл

двери Царства Небесного для всех людей. Существует богословский спор, не завершившийся до сих пор, кого именно Христос вывел из ада. Одни богословы говорят: только ветхозаветных праведников. А другие, в том числе авторы богослужебных текстов, говорят, что Он оттуда вывел всех, что ад опустошен. Воскресение Христово – это событие космического масштаба, и в нем принимает участие все человечество.

П.С. Лунгин: А когда воскресший Христос открылся миру? Когда Он объявил о Своем воскресении?

Митрополит Иларион: Сначала Господь явился Марии Магдалине, которая поначалу Его приняла за садовника. Потом – ученикам, которые шли в Эммаус. Причем они узнали Его лишь тогда, когда Он пришел с ними в дом и преломил хлеб. Но Он тотчас сделался для них невидимым. Как это объяснить? Дело в том, что внешний облик Христа изменился, изменился до неузнаваемости. В Евангелии от Матфея говорится, что когда Христос явился ученикам, одни поклонились Ему, а другие усомнились. Это сомнение в Воскресении Христовом подспудно сохранялось у некоторых людей на протяжении веков. Никаких рациональных доказательство того, что Христос воскрес, мы не имеем. Мы имеем доказательства от нашего внутреннего опыта, который каждый раз для нас обновляется на Пасху. Когда мы слышим слова: «Христос воскрес!», мы отвечаем: «Воистину воскрес!» - не потому, что есть такая традиция, а потому, что мы всем своим естеством ощущаем, что это именно так. Более того, мы ощущаем, что если Христос не воскрес, тогда и вера наша тщетна, тогда нет у нас надежды на то, что смерть – это не конец жизни человека, а переход к жизни вечной.

П.С. Лунгин: Как много в этом поэзии! Эта перемена облика: побывавший в ином мире не может вернуться сюда таким же. Религиозные смыслы смешиваются с поэтическими, высокохудожественными смыслами. А вот Лев Толстой попытался убрать из Евангелия всю мистическую сторону – для него Христос был просто человеком.

Митрополит Иларион: Толстой оставил от христианства только нравственное учение, которое он по-своему толковал, подгонял к своим собственным взглядам. А сама живая личность Христа, Его чудеса, Его рождение от Девы – все это Толстой отбросил. Церковь увидела в этом не просто лжеучение, а опаснейшую ересь. Поэтому и был такой острый конфликт между Толстым и Церковью. Ведь он выдавал свое частное прочтение христианства за истинное христианство. А для нас истина Воскресения Христова является ключом ко всему остальному. Если мы не верим в воскресение Христа, то христианство теряет свою основу.

Мы уже говорили, что внешний облик Христа изменился после Его воскресения. Мы верим, что люди воскреснут не только духовно, но и телесно. Что же это будут за тела? По-видимому, они

будут отличаться от тех тел, которые мы имеем. Иначе встает вопрос: что же, человек, доживший до старости, воскреснет старичком, а кто умер в юном возрасте, воскреснет молодым? Отцы Церкви говорят, что будут некие новые тела, которые каким-то таинственным образом будут связаны с нашими нынешними телами. Например, Григорий Нисский, учитель Церкви IV века, говорит, что когда душа выходит из тела, а тело остается на земле, чтобы исчезнуть, то душа несет некий отпечаток того тела, которое она имела в жизни. И вот по этому отпечатку будет создано новое тело из новой материи. Конечно, мы не знаем, каким оно будет. Но воскресший Христос мог проходить через закрытые двери, Его не узнавали, и Он вознесся на небо – все это показывает, что Его Тело приобрело особые физические свойства, но в тоже время это было материальное тело, потому что Он мог разделить трапезу учениками, о чем тоже говорится в Евангелии.

П.С. Лунгин: То есть это какой-то переход от смертного человека к сверхчеловеку, существу высшего порядка?

Митрополит Иларион: Я бы сказал, это переход от тленного и падшего человека к человеку нетленному, который будет иметь какие-то новые свойства, нам доселе неизвестные. В этом и заключается воскресение и новая жизнь – мы не просто вернемся на какой-то новый цикл бытия. Христианское учение в корне отличается от учения о реинкарнации, в соответствии с которым душа кочует из одного тела в другое.

П.С. Лунгин: Учение о реинкарнации уязвимо в том смысле, что невозможно ходить по тем же самым кругам, то поднимаясь, то опускаясь. Избавление – это прекращение реинкарнации. Счастье индуизма – уйти из мучительного круга новых воплощений. Христианство решило по-другому. Оно подняло новое бытие на принципиально иной уровень.

Митрополит Иларион: Мы не верим в то, что одна и та же душа может кочевать из человека в собачку, из собачки – в поросенка, из поросенка – в рыбку, потом снова возвращаться в человеческое тело. Мы вообще не воспринимаем тело как внешний атрибут души, как дом, в который душа временно вселяется. Христианство – это, по-своему, очень материалистическая религия – ведь мы не стремимся к какому-то избавлению от тела, подобно древнегреческим философам, не стремимся к какому-то освобождению от материальности. Мы стремимся к тому, чтобы тело человека преобразилось, чтобы оно тоже участвовало в процессе спасения и, как говорили греческие отцы, обожения. Для христиан тело – не просто какой-то случайный внешний атрибут. В христианской традиции все Таинства так или иначе связаны с телом человека. Например, Причастие – это принятие внутрь себя Тела и Крови Христа. Материальное Тело Христа – то есть хлеб, который по молитве Церкви стал Телом Христа, – становится частью нашего материального тела, Его Кровь становится нашей кровью, то есть она течет в наших жилах. Таинство крещения – это погружение человека с его телом в воду. Таинство елеосвящения – это

помазание тела человека елеем, и так далее. Когда человек умирает, мы не избавляемся от тела, как это сейчас происходит в секулярной культуре, когда приезжают профессиональные служители смерти, увозят тело и потом дают нам его увидеть уже только лежащим в гробу. Когда мы отпеваем человека в храме, мы полагаем там его тело. Мы почитаем мощи святых, то есть тех людей, которые достигли такой степени святости, что их тело не разлагается, приобретает новые физические свойства, благоухает, приносит исцеления другим людям. Все это связано с материальным характером христианства, которое спасает всего человека – не только его душу, но и тело.

П.С. Лунгин: Святые мощи – это шаг в сторону обретения нового светлого тела?

Митрополит Иларион: В каком-то смысле да: эти люди перешли грань между человеком грешным и человеком святым. Нет такого человека, который был бы полностью лишен грехов. Абсолютная святость свойственна только Богу. Но человек может достичь такого состояния, что его тело приобретает какие-то новые свойства – например, после смерти оно не разлагается. Есть случаи, описанные в житиях святых, например преподобного Серафима Саровского, когда к нему приходит человек, начинает с ним беседовать и вдруг видит, что он преображается на глазах – начинает сиять, источать благоухание. И это тоже показывает, что тело человека участвует в процессе спасения.

П.С. Лунгин: Все это относится к той области, которую умом постичь очень сложно. Мне кажется, это надо воспринимать не совсем рационально, а некоторым образом открывая душу для многосложного подарка, который нам был дан и явлен.

Митрополит Иларион: Христианство вообще нельзя воспринимать рационально. Рациональное восприятие христианства как раз приводит к сомнениям, к отвержению основополагающих истин, таких, как воскресение Христово. Христианство воспринимается и эмоционально. Но, прежде всего, оно воспринимается на внутреннем духовном уровне, когда человек вопреки окружающей действительности ощущает реальность присутствия Бога в своей жизни, когда он ощущает реальность воскресения Христового, и это дает ему особые силы, особое вдохновение. Именно это мы называем верой.

П.С. Лунгин: И ведь каждому человеку обещано, что, как бы плохо ему ни было, как бы низко он ни пал – у него есть шанс, надежда, возможность пережить духовное воскресение, снова родиться и снова начать жить. Внутреннее воскресение человека всегда возможно. Когда Вы говорили это, я подумал, как важно, чтобы люди понимали, что Православие – это не мрачная система с огромным количеством запретов и строгих правил. Ведь прежде всего это та первозданная радость, которую мы видим на Пасху.

Пасха – это братский праздник. Каждый может к любому подойти, поцеловаться, похристосоваться. Это праздник открытия душ, праздник всеобщего равенства. Очень бы хотелось, чтобы чувство радости и праздника не ушло из нашей церковной жизни под влиянием большого количества запретов и понуканий. Мне кажется, что особенно нуждается в этой радости от церковной жизни наша молодежь.

Митрополит Иларион: Мы живем этой радостью в пасхальные дни. Мы стараемся хранить ее в сердце в течение всего года. Каждый воскресный день – это малая Пасха, это возобновление таинства воскресения Христова на литургическом и на духовном уровне. Я хотел бы пожелать и Вам, и нашим телезрителям, чтобы пасхальная радость всегда нам сопутствовала – и на Пасху, и в течение всего года.

Служба коммуникации ОВЦС